

О. Ф. Кудрявцев (Москва)

«УГНЕТЕННЫЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ РАБСТВОМ»:
ОБ ОДНОМ СТЕРЕОТИПЕ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ ЕВРОПЕЙЦАМИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

(по материалам конференции)*

Важным источником сведений по истории Восточной Европы, и Московской Руси в частности, становятся, начиная с последних десятилетий XV в. сообщения о ней иноземцев. Эти сообщения дополняют данные русских документов, а во многих случаях предоставляют уникальные материалы по тому или иному вопросу.

Впрочем, время тотального доверия к подобного рода источникам, характерного для отечественной историографии XIX в., безвозвратно прошло. Перед сегодняшними исследователями России XV—XVI в. стоит вопрос, в какой мере на них можно полагаться и как их следует воспринимать.

Критический анализ текстов иноземцев о России предполагает соединение усилий исследователей как отечественной, так и зарубежной истории соответствующего периода. Отечественные историки должны показать, какие сообщения иностранцев подтверждаются, какие уточняются, а какие опровергаются сведениями русских документов. Исследователи зарубежной истории способны пролить свет на политические, коммерческие, познавательные и идеологические цели авторов повествований о нашем отечестве. Речь должна, однако, идти не только о сознательных установках этих авторов в качестве представителей той или иной страны и народа, той или иной политической группировки, ученой традиции, религиозной конфессии, но также о более общих принципах мирозерцания, которые очень часто произвольно определяли их подход к восприятию другой действительности, к подбору материала для ее описания, заявляли о себе в интерпретации приводимых фактов, оценочных суждениях и выводах. Влияние этих мировоззренческих принципов, пожалуй, заметнее всего прослеживается в стереотипах, т. е. в устойчивых и широко распространенных представлениях, которыми из сочинения в сочинение характеризуется описываемая действительность.

Какие именно представления о России XVI в. становятся стереотипными, лучше всего показывают не специальные, а общие сочинения по космографии. Они являются, по сути, компиляциями материалов, взятых из разных источников, и, хотя, как правило, в силу этого не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной, ни новизной сообщаемой информации, тем не менее интересны тем, что позволяют выявить общепринятый взгляд на тот или иной предмет. В качестве своего рода справочной литературы они имели наибольшее хождение среди образованных кругов Европы.

В сознании европейцев XVI в. широко распространено было представление о «рабстве русских». У Матвея Меховского, автора историко-космографического «Трактата о двух Сарматиях», впервые опубликованного на латинском языке в 1517 г. в Кракове, а затем многократно переиздававшегося (в том числе и в переводах на национальные европейские языки), сказано: «Есть еще в тех странах — в Литве, Московии и Татарии — исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот (*tanquam pecora*), и дети их и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и самих себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу»¹. У Матвея Меховского речь идет о рабах как социальном слое русского общества и об одном из способов их пополнения — закабалении свободных в результате их

* Доклад на I Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. II. I. 3. Перевод С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 112, 188.

хозяйственной несостоятельности, неспособности себя прокормить; упомянуто также патриархальное право родителей продавать своих детей. Сходным образом о рабах как социальном явлении, присущем литовскому (читай: западнорусскому) обществу, писал предшественник Меховского польский хронист Ян Длугош, указывая, что эта категория пополняется как за счет самовоспроизводства, так и за счет неспособности некоторой, конечно же, наиболее бедной части свободных платить налоги или судебные штрафы, которые в их стране очень высоки².

А вот у Иоганна Боемия в его этно-космографическом компилятивном обзоре «Нравы, законы и обычаи всех народов, почерпнутые у многих прославленных писателей», вышедшем вскоре после сочинения Меховского, в 1520 г., в Аугсбурге, и затем неоднократно переиздававшимся в том числе и в переводе на новые языки, о рабстве русских сказано совсем в другом ключе — как о явлении, характеризующем с невыгодной, разумеется, стороны, нравственный уровень этого народа: «Большая часть русских [Rusianorum, в итальянском переводе: Rossiani] добровольно становятся рабами, ибо многие, в их числе также и благородные, продают себя, жен и детей; и поступают они так то ли чтобы благодаря этому пользоваться большим досугом, то ли чтобы вкушать большее наслаждение»³. Здесь подчеркнута убогость нравственной природы русских, ради низких целей — безделья, наслаждения — жертвующих свободой и предпочитающих рабство. Причем рабство русских, по Боемию, — это уже не столько состояние какой-то определенной категории населения, самой низкой в социальной иерархии и полностью лишенной любых прав (включая право распоряжаться собой), сколько черта, характеризующая все общество, черта *общенародная*.

Невнимательный компилятор, Боемий не заметил и не устранил разногласия этих своих утверждений с информацией, приведенной немногим выше и, по-видимому, заимствованной им из другого источника, — будто русским ненавистно имя царя (букв.: короля, Regium nomen; в итальянском переводе — il nome di Re) и того, кто правит и повелевает всем народом, они предпочитают называть именем князя (буквально: герцога, ducis appellationem) как более приемлемым, угодным народу; и он от других отличается только тем, что носит чуть более высокий головной убор⁴. Мало похоже, что такой народ, не позволяющий даже верховному правителю особенно выделяться, может предпочитать рабство.

Другой немецкий космограф, известный гуманист, корреспондент Эразма Роттердамского и близкий друг Альбрехта Дюрера, Виллибальд Пиркгеймер, в популярной книжечке «Краткое описание Германии, составленное на основе разных авторов», первым изданием вышедшей в 1530 г. в Нюрнберге, упоминал о русских как о грубом и весьма варварском народе, угнетенном чрезвычайным рабством; у них, как и у турок, все, принадлежащее им, считается господским, и государи Московские располагают правом собственности по отношению ко всякому имуществу⁵. Русские изображены как представители какого-то другого мира, чуждого, а лучше сказать, в своих главных характеристиках противоположного устоям мира европейского, ибо они не знают культуры (они, как сказано, грубы), цивилизации, или прочного гражданского порядка (они —

² См.: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. II. I. 3. С. 254 № 186.

³ «Pars multo maxima Rusianorum seruitutem seruiunt, nec inuiti, multi quidem et in his nobiles etiam se coniugem et liberos uendunt: aut quia sic maiore otio fruuntur aut quod maiore uoluptate» (Omnium gentium Mores, Leges et Ritus ex multis clarissimis rerum scriptoribus, a Ioanne Wolmo Aubano Teutonico nuper collecti, et nouissime recogniti. III. VI. Lugduni, 1589. P. 174 См. также итальянский перевод: I costumi, le leggi, et l'usanze di tutte le genti... per Giovanni Boemo Aubano Alemano. Tradotti per Luci Fauno. Vinetia, 1564. P. 113v).

⁴ «Inuisum genti Regium nomen: iccirco ducis appellationem libentius usurpant, ut magis popularem: qui ibi rerum potitur, dux dicitur, qui in totam gentem Imperium obtinet: huic pileus paulo elatior quam caeteris proceribus, caetero nihil ab alijs differens...» (Omnium gentium mores... P. 173; I costumi, le leggi... P. 113r).

⁵ «Sunt autem gentes illae incomptae ed admodum barbarae, extremae praeterea seruituti subiecta, ita ut omnia, quemadmodum inter Turcas, dominorum propriae esse censeantur. Principesque Moscouiae cunctarum rerum proprietatem habeat: usum fructum vero subditis vtendum relinquat, non diutius tamen, quam sibi placet» (Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio Authore Bilibaldo Pirckeymero. Norembergae, 1530. Sig. C 4v).

варвары), свободы (они угнетены рабством), Как и Матвей Меховский⁶, Пиркгеймер порядки русских сравнивал с принятыми у турок. Впрочем, в качестве высокопоставленного должностного лица Священной Римской Империи Пиркгеймер мог черпать материал и из других источников, в частности из не опубликованных к тому времени отчетов о посольствах (или из записок) ездивших к российскому государю с дипломатическими миссиями Сигизмунда Герберштейна и Франческо да Колло (не исключено также, что Пиркгеймер мог встречаться с ними и опираться на их устные суждения о посещенной ими стране).

Как бы то ни было, образ русских и их державы, лишь эскизно набросанный Пиркгеймером, целиком соответствует тому, который в более подробных чертах был создан Франческо да Колло и Герберштейном, имевшими возможность лично увидеть Россию. Да Колло это сделал в 1518—1519 г. в качестве посла императора Максимилиана I к Василию III. В оставленном им сочинении «Переговоры о мире между Светлейшим королем Польши Сигизмундом и Великим князем Московским Василием», которое дошло до нас не в латинском оригинале, а в не самим автором выполненных переводах на итальянский язык (один из них был опубликован в Падуе племянником автора Латино да Колло в 1603 г.), он представлял Россию как варварское, не имеющее какого-либо твердого правового порядка тираническое государство. «Нет здесь никакого писаного закона, — сказано у Да Колло, — но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию... все имущество, не только общественное, но и частное... принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра...»⁷.

Такому положению вещей соответствует и то, что «людей в этих областях и во всей стране вышеназванного Князя продают, как куриц и других животных (*come de' polli, et altri animali*), на рынке, их продают и о них заключают договоры. Отцы и матери приводят на ярмарки и рынки детей и продают их для удобства (*per commodo* — в данном случае точнее: «для нужд») покупателей за ничтожную цену»⁸. Бросается в глаза близость этого отрывка о торговле людьми к тому, что писал в связи с этим Матвей Меховский; правда, польский автор оговаривал, что речь идет о торговле определенной социальной категорией людей — рабами (*servi*), у Да Колло таких уточнений нет, он писал о людях вообще (*le persone... sono Venali*) как объектах коммерческих операций. Сходство с Матвеем Меховским у Да Колло не случайно: итальянский дипломат отлично знал трактат Меховского, и едва ли не главная цель его сочинения заключалась в том, чтобы подтвердить наличие в Восточной Европе Рифейских и Гиперборейских гор, хотя польский автор доказывал, что все сообщения о них ложны⁹. Итак, Да Колло использовал свой авторитет человека, бывавшего в пределах Московской Руси, чтобы рассеять сомнения в существовании там Рифейских и Гиперборейских гор, откуда, как полагала давняя, восходящая к античности космографическая традиция, берут начало великие реки Восточной Европы¹⁰.

⁶ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. II. II. 1. С. 116, 192.

⁷ Collo Fr. da. Trattamento di Pace tra il serenissimo Re di Polonia, et gran Basilio Principe di Moscovia. Padoa, 1603. Sig. N 3 v-N 4 г. Выше цитирован перевод О. Симчич, напечатанный вместе с фрагментом итальянского текста, опубликованного Латино да Колло: Колло Фр. да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 46, 58, 59.

⁸ Ibid. Sig. P 1 г. С. 53, 66.

⁹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. I. III. 1; II. I. 3; II. II. 2. С. 84, 110, 116, 163, 186, 192; Collo Fr. da. Trattamento di Pace tra il serenissimo Re di Polonia. Sig. 0 3 v-0 4 v; С. 51, 52, 63-65. См. в этой связи: Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 84 Trattamento di Pace tra il serenissimo Re di Polonia 90; Симчич О. Дипломатическая миссия посла Максимилиана I Франческо да Колло и его «Relatione di Moscouia» // Колло Фр. да. Доношение о Московии. С. 16—18.

¹⁰ Подробнее об этой традиции и ссылки на источники см. комментарии О. Ф. Кудрявцева к трактату Альберта Кампенского «О Московии»: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 127, 128. № 71.

Это заставляет осторожней подойти к другим его сведениям о Московии. В частности, какими собственными наблюдениями он может подкрепить утверждение о повсеместной торговле людьми в стране московитов? «Скажу больше, — пишет Да Колло, — в городе Московии некоторые из наших [конечно же, не он сам! — О. К.] купили несколько молоденьких девиц (*alcune giouanette*) от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия (*per loro uso e delectatione*), всего за один дукат или унгар...»; далее он пишет, что дети, родившиеся от этих девиц, остаются во власти покупателей¹¹. Но в данном случае речь, скорее всего, идет не о торговле, а, так сказать, об «аренде» живого товара для специфических целей — сексуальных услуг, явлению, присущем отнюдь не только обществам, широко практикующим торговлю людьми. Заключительное заявление о том, что это «запрещается нашими законами божественными и человеческими» (*reprobato dalle leggi nostre diuine, et humane*)¹² имело в виду противопоставить, как он считал, благие, человеколюбивые, христианские порядки Европы нравам варварского мира, Московии. Правда, здесь Да Колло явно необъективен: ведь эти «божественные и человеческие законы» — о чем он не мог не знать — не мешали его соотечественникам, прежде всего генуэзцам и венецианцам, участвовать в широкомасштабной работорговле в Причерноморье и восточном Средиземноморье и хорошо наживаться на ней¹³.

Как это ни покажется странным, но Сигизмунд Герберштейн, самый авторитетный из описателей Московской Руси Василия III, дважды, в 1517 и 1526 г., посещавший ее, в своих «Записках о Московии», которые первым изданием вышли по-латыни в Вене в 1549 г., а затем многократно переиздавались на языке оригинала и в переводах, лишь подытожил и, пожалуй, полнее развернул картину «рабства русских», в главных чертах уже сложившуюся в трудах его предшественников. «Этот народ [т. е. московиты — О. К.], — повторяет Герберштейн знакомую мысль, — находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»¹⁴. В доказательство этого утверждения он рассказывает о том, как рабы, получающие от господ свободу, тотчас продают себя в рабство за деньги другим господам¹⁵. Мнение Б. Д. Грекова, усмотревшего в этих словах свидетельство массового отпуска холопов, справедливо оспорено в историографии¹⁶; и все же стоило бы выяснить, какая черта русской действительности может проглядывать за этими словами Герберштейна; и это еще предстоит сделать. Равно как и в отношении другого его утверждения — о патриархальном обычае отцов продавать сыновей, причем не более трех раз, если детям дважды удавалось обрести каким-либо путем свободу¹⁷. Как бы то ни было, оба примера дают предостаточно оснований для вывода о приверженности *народа* (именно народа как целого) к рабству.

Серьезней выглядит утверждение Герберштейна о том, что «все они [русские, московиты — О. К.] называют себя холопами, т. е. рабами государя»¹⁸. Да и как иначе им себя именовать, если этот государь, как сказано, «всех одинаково гнетет жестоким рабством» (*omnes iuxta, dura seruitute*

¹¹ Collo Fr. da. Trattamento di pace tra il serenissimo Re di Polonia. Sig. P 1 r-v; C. 53, 66.

¹² Ibid. Sig. P 1 v. C. 53, 66.

¹³ Эта тема широко обсуждается в историографии. Укажем здесь лишь несколько работ: Verlinden Ch. *Ortodoxie et esclavage au bas moyen-âge // Mélanges Eugène Tisserant*. Città del Vaticano, 1964; Gioffè D. *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*. Genova, 1971; Ballard M. *La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle)*. Genova; Roma, 1978; Pistarino G. *I gin dell'oltremare*. Genova, 1988.

¹⁴ «Gens illa magis seruitute, quam libertate gaudet» (Herberstein S. *Rerum moscoviticarum commentarii*. Basileae, 1556. P. 49). Ср. в немецкой редакции «Записок»: «Das uolckh ist also naturt, das sy sich der Aigenschafft mehr dan der freyhait beruemen» (Herberstein S. *Moscouia der Hauptstat in Reissen*. Wien, 1557. Sig. H iv r). См. также: Герберштейн С. *Записки о Московии*. Перевод А. И. Маленина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 112.

¹⁵ Ibid.; Там же.

¹⁶ Черепнин Л. В. *Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.* М., 1960. С. 258–260; Зимин А. А. *Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в.* М., 1973. С. 109–112, 318, 319, 334.

¹⁷ Herberstein S. *Rerum moscoviticarum commentarii*. P. 49; Idem. *Moscouia der Hauptstat in Reissen*. Sig. H iv r; Он же. *Записки о Московии*. С. 112.

¹⁸ «omnes se Principis chlopos, id est seruos fatentur» (Ibid.; Там же).

premit), заставляя беспрекословно выполнять любое его повеление, распоряжаясь по своей воле жизнью и имуществом каждого из своих советников, не говоря уже о прочих людях — как мирянах, так и духовных¹⁹. Разными способами Герберштейн стремился показать, что в России не только известно или даже широко принято рабство (подразумевающее право на владение и торговлю людьми), но что Россия — это страна тотального рабства, и проявляется оно в абсолютной власти государя над всеми и каждым. Даже хлеба на великокняжеском пиру, «имеющие вид лошадиного хомута», проще говоря калачи, призваны, по твердому убеждению Герберштейна, знаменовать «для всех, их вкушающих, тяжкое иго и вечное рабство» («которым они его [хлеб] заслуживают», — добавлено в немецкой редакции «Записок о Московии»)²⁰.

Установившийся в России государственный строй Герберштейн определял как «тиранию» (*tyrannis, schwaere Herrschafft, grausame Herrschafft*). Стоит заметить, что по представлениям образованного европейца ренессансной поры, хорошо усвоившего политическую доктрину классической античности, которая формы правления подразделяла на правильные и неправильные, или извращенные, тирания принадлежала к числу последних и оценивалась как самая дурная среди них, будучи вырождением монархической формы, наилучшей среди правильных. Тиранией считалось не самовластье вообще, но лишь такое, которое переходило в полный произвол, попирающий все человеческие законы и божественные установления. Поэтому в подобной характеристике российских государственных порядков заключался уже и приговор им. Не без лукавства, как бы следуя установкам входящего тогда в моду скептицизма, Герберштейн не стал искать ответа на вопрос, «то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»²¹; но самой постановкой этого вопроса Герберштейн указал на соответствие между тиранией московского правителя и моральным обликом обитателей его государства. В самом деле, каких других порядков, кроме тиранических, достоин народ, предпочитающий рабское состояние, находящийся, как было сказано, в нем «больше удовольствия», одним словом, являющийся рабом по своей природе? Ведь он, этот народ, неспособен вести упорядоченную законом гражданскую жизнь и может быть послушен только власти, не знающей в его отношении никаких ограничений. Для европейца, воспитанного в традициях ренессансного гуманизма, свобода есть фундаментальное свойство человеческой природы, ею обосновывалось его достоинство и высокое предназначение в качестве земного бога» (*deus terrenus, deus in terris*), его способность творить себя самого и окружающий мир²². Поэтому добровольный отказ от свободы и приверженность рабству — что находил в русских Герберштейн — должны были восприниматься как некий изъян души, как своего рода нравственная извращенность, а в конечном счете, как их ущербность и неполноценность в качестве людей. Подобное представление о русских, которое получал читатель «Записок о Московии», служило Герберштейну одним из аргументов в пользу того, чтобы преподнести Россию как

¹⁹ Ibid. P. 14, 15. В немецкой редакции: «Hellt alle und yede in gleicher dienstparkhait» (Sig. C iii v). В русском изд.: С. 72–74.

²⁰ «Panes praeterea formam helcij equini habentes, mea opinione, omnibus ijs uescentibus, durum iugum et perpetuam seruitutem designant» (Herberstain S. Rerum moscoviticarum commentarii. P. 128); «sy haben schoen weiss Prot, ist in form aines Rosskhumat, nach meiner ausslegung die dasselb gemeingelichen geniessen, im herten Joch und schwaerer dienstperkhait dasselb uerdien muessen» (Herberstain S. Moscouia der Hauptstat in Reissen. Sig. S ii r). См. русский перевод: С. 217, 216.

²¹ «Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur» (Herberstain S. Rerum moscoviticarum commentarii. P. 15); «Es ist ain zweyfel, ob ain solch uolckh ein solche schwaere Herrschafft haben muess, oder ob die grausame Herrschafft ain solch ungeschickht uolckh macht» (Herberstain S. Moscouia der Hauptstat in Reissen. Sig. C iv v). См. русский перевод: С. 74.

²² См. сочинения Джанотто Манетти, Марсилио Фичино, Джованни Пико дела Мирандола, Шарля де Бовеля, Агриппы Неттесгеймского, Хуана Луиса Вивеса в кн.: Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1996. См. также: Garin E. La «dignitas hominis» e la letteratura patristica // La Rinascita. 1938. Vol. 1. N 4. P. 102–146; Trinkaus Ch. In our image and likeness: humanity and divinity in Italian humanist thought. Chicago, 1970. Vol. 1–2; Кудрявцев О. Ф. Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в «Утопии» Томаса Мора // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 174–190; М., 1994. Вып. 57. С. 158–169.

дикий, варварский, азиатский мир, враждебный всем выработавшимся в Европе принципам гражданского устройства, нравственности и культуры²³.

Так был сформирован в сознании европейцев один из наиболее стойких и расхожих стереотипов характеристики русских. Возник он отнюдь не у Герберштейна, и не исключено, что габсбургский дипломат в своем восприятии, а затем и описании российской действительности сам оказался под сильным его влиянием (этот вопрос пока остается открытым). Однако «заслуга» (или лучше сказать — важная роль) Герберштейна в том, что исходные черты этого стереотипа были приведены к единству: рабство было показано в его сочинении не только как явление социальное (рабы как особая категория общества) и хозяйственное (в частности, купля-продажа людей), но и в более широких проекциях, в виде, с одной стороны, всесословного, навязываемого тиранической властью, внешнего рабства (или рабства политического), с другой — в виде ущербной нравственной природы людей, тяготящихся свободой и предпочитающих ей состояние зависимости.

---

²³ См. подробнее: Кудрявцев О. Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. СПб., 2002.